

Говард Филлипс Лавкрафт

Улица

(The Street)

Одни полагают, что предметы, среди которых мы живем, и те места, где мы бываем, наделены душой; другие не разделяют этого мнения, считая его пустым домыслом. Я не берусь быть судьей в этом споре, я просто расскажу об одной Улице.

Эта Улица рождалась под шагами сильных и благородных мужчин: наших братьев по крови, славных героев, пустившихся в плавание, оставив за спиной Блаженные острова. Сначала Улица была всего лишь тропинкой, проложенной водоносами, которые сновали между родником, пробившимся в глубине леса, и домами, гроздью легшими неподалеку от берега моря. Поселок разрастался, новые поселенцы осваивали северную сторону Улицы; их дома, выложенные из крепких дубовых бревен, смотрели на лес каменной кладкой, поскольку где-то в чаще прятались индейцы, выжидая удобный момент, чтобы выпустить горящую стрелу. Время шло, и дом за домом стала отстраиваться южная сторона Улицы.

По Улице прогуливались суровые мужи в шляпах-конусах, вооруженные мушкетрами и охотничьими ружьями. Их сопровождали жены в чепцах и послушные дети. Вечера мужчины проводили у семейных очагов за чтением и беседами с домочадцами. Их речи и книги были бесхитростными, однако они были мужественны и великодушны и помогали изо дня в день покорять лес и возделывать поля. Прислушиваясь к старшим, дети постигали законы и обычаи предков, дорогой доброй Англии, если и брезжившей в памяти некоторых из них, то весьма смутно.

После окончания войны индейцы больше не нарушали покой Улицы. Хозяйства процветали, мужчины трудились не покладая рук и были счастливы настолько, насколько могли быть счастливы. Дети росли в полном благополучии, и все новые и новые семьи прибывали с Родины и застраивали Улицу. Выросли дети детей первых колонистов, подрастали дети детей недавних переселенцев. Поселок превратился в настоящий город, и мало-помалу скромные жилища уступили место простым, но красивым домам из кирпича и дерева, с каменными лестницами, снабженными железными перилами, с окошками-веерами над дверям. Ничто в этих домах не было сделано на скорую руку, ведь они должны были служить многим поколениям. Внутреннее убранство подбиралось со вкусом: резные каминные, ажурные лестницы изящная мебель, фарфор и серебро - все напоминало о Родине откуда была привезена многая утварь.

Улица жадно впитывала мечты молодого поколения и радовалась тому, что ее обитатели приветливы и веселы. Там, где однажды обосновались честь и сила, теперь делала первые шаги полнокровная жизнь. Книжки, живопись и музыка вошли в дома, а юноши потянулись в университет, выросший над северной долиной. Ушли в прошлое шляпы-конусы, мушкетеры, кружева и белоснежные завитые парики; по

булыжникам цокали копыта чистокровных коней и громыхали позолоченные экипажи; над тротуарами, выложенными кирпичом, высились коновязи.

Вдоль Улицы росли деревья: величественные вязы, дубы и клены, так что летом вся она бывала залита нежной зеленью и щебетом птиц. За домами прятались кусты роз, живая изгородь обнимала сады с проложенными тропинками и солнечными часами; по ночам луна и звезды зачарованно смотрели на душистые искрившиеся росой цветы.

После всех войн, бедствий и катаклизмов Улица погрузилась в прекрасный сон. Многие юнцы покидали ее, и немногие возвращались. На месте старых флагов реяли новые стяги, в полоску и со звездами. Хотя люди и толковали о переменах, Улица не чувствовала их, потому что ее обитатели были верны себе, и здесь звучали прежние речи. Щебечущие птицы, как и раньше, находили приют в кронах деревьев, и по ночам луна и звезды смотрели на сады в окаймлении живых изгородей, где цветы одевались капельками росы.

Шло время, и на Улице уже нельзя было увидеть ни оружия, ни треуголок, ни завитых париков. Как странно смотрелись трости, высокие шляпы и стрижки! Покой Улицы все чаще нарушали непривычные звуки: сначала с реки, находившейся в миле от нее, клубы дыма принесли скрежет, а потом лязг, грохот и гарь повалили отовсюду. Но гений Улицы, несмотря на смущенный воздух, оставался прежним. Ведь Улица была прокалена кровью и мужеством первопоселенцев. Что с того, что люди разверзают землю, чтобы погрузить в нее невиданные трубы, или воздвигают столбы, опутывая пространство диковинной проволокой? Улица дышала стариной и не собиралась так легко отказаться от прошлого.

Но настал черный день, когда тем, кто знал старую Улицу, она тала казаться чужой, а те, кто привыкли к ее новому облику, не представляли себе ее прошлого. Они приходили и уходили, их голоса звучали резко и грубо, а лица и одежда неприятно царапали глаз. То, что занимало их, отторгалось умным и справедливым гением Улицы, и она молча чахла, дома ее приходили в упадок и деревья умирали одно за другим, а розовые кусты никли под натиском сорняков и мусора. Впрочем, однажды она испытала смутное чувство гордости. Юноши, одетые в синюю форму, промаршировали по ней, отправляясь туда, откуда не всем суждено было вернуться.

Прошли годы, и еще более тяжелая участь постигла Улицу. Все деревья были вырублены, а сады потеснены дешевыми уродливыми домами - новостройками, выросшими на параллельных улицах. Однако старые дома еще помнили, вопреки всем штормам, катаклизмам и разрушениям, которые множились от года к году, что их возводили с любовью для многих поколений. Новые лица мелькали на Улице, злобные, жутковатые лица, и люди с бегающими глазами произносили непонятные слова и прилаживали к фасадам отдающих плесенью домов вывески, покрытые знакомыми и незнакомыми буквами. Тележки взрезали землю. Тошнотворное трудноопределимое зловоние повисло над Улицей, и ее гений погрузился в сон.

Но случилось так, что Улицу охватило волнение. Эпидемия войны и революции, разбушевавшись, бороздила моря; династии рушились, их последние

представители, отмеченные печатью вырождения, вынашивали сомнительные планы и жались друг к другу, уезжая на Запад. Многие из них нашли пристанище в обшарпанных домах, смутно помнивших пение птиц и аромат роз. Но, пробудившись от спячки, Запад вступил в титаническую схватку, начатую на Родине ради будущей цивилизации. И снова над городами взметнулись старые стяги, а рядом с ними замелькали и новые, среди которых победно реял и трехцветный флаг. Однако над Улицей не парило множество флагов, здесь вились лишь страх, ненависть и невежество. Снова по Улице чеканили шаг юноши, хотя они не походили на тех, прежних. Что-то сдвинулось. Юноши тех Далеких лет, одетые в хаки, унесли в душах правду своих предков, а их сыновья, прибывшие издалека, ничего не знали об Улице и ее Древнем гении.

Великая победа летела через моря, и юноши возвращались в ореоле триумфа. То, что, казалось, ушло в прошлое, вернулось; и опять страх, ненависть и невежество клубились над Улицей вел многие чужаки не покидали ее пределов, а другие все прибывали обживая старые дома. Вернувшиеся домой юноши не задерживались здесь надолго. Новоселы были злобными и мрачными, и среди мелькавших лиц мало было таких, которые напоминали бы о тех людях, под чьими шагами рождалась Улица и кто творил ее гений. Все та же, она стала другой, поскольку в глазах людей отражались блики несправедливого жара, странные, болезненные отблески жадности, амбициозности и мстительности. Тревога и измена поселились в Европе в сердцах озлобленной горстки людей замышлявшей нанести смертельный удар по Западу, чтобы затем ползти к власти по руинам, и фанатики стекались в ту несчастную холодную страну, откуда многие из них были родом. Улица стала сердцем заговора, и в обшарпанных домах кишели занесенные извне вирусы междоусобицы, а в их стенах звучали речи тех, кто вынашивал страшные планы и жаждал наступления назначенного часа - дня крови, огня и смерти.

Закону было что сказать по поводу многочисленных сборищ на Улице, однако доказательства не шли ему в руки. С превеликим усердием мужи, облеченные властью, спрятав поглубже полицейские жетоны и напрягая слух, проводили часы в таких тошнотворных местах, как "Петрович бейкери", "Рифкин скул оф модерн экономик", "Сэркл сосиаль клуб" и "Кафе Либерти". Там сходились злобные люди и с опаской обменивались отрывочными репликами, часто прибегая к своему родному языку. А старые дома хранили память об усопшем веке, о забытой мудрости благородных душ, о первых колонистах, о розах, искрящихся каплями росы в лунном свете. Бывало, что поэт - одинокая душа - или случайный путешественник любовались домами и пытались воспеть их ушедшую славу, только редки были такие поэты и путешественники.

Все дальше и дальше распространялись слухи, что в старых домах засели лидеры террористов, готовые в назначенный час начать вакханалию, грозящую смертью Америке и тем прекрасным традициям, которые так полюбили Улице. Листовки и прокламации, подрагивая крыльями, обсели грязные трущобы; листовки и прокламации, пестревшие буквами разных начертаний и на многих языках взывавшие к крови и бунту. Эти письма подстрекали народ свергнуть законы и добродетели, которым поклонялись отцы, растоптать душу старой Америки - душу англосаксов, на протяжении полутора столетия хранившую свободу, справедливость и

терпимость. Говорили еще, что злобные люди, которые поселились на Улице и собирались в отвратительных заведениях, были мозговым центром ужасного мятежа, что у них в подчинении находились миллионы не рассуждающих одурманенных существ, разбросанных по городам, где из каждой трущобы тянулись вонючие лапы тех, кто сгорал от желания жечь, убивать и крушить до тех пор, пока страна предков не превратится в пепелище. Слухи становились все назойливее, и многие с ужасом ждали четвертого июля, даты, означенной во многих листовках; но по-прежнему ничто не указывало на место, которое можно было бы считать колыбелью преступления. Никто не мог с точностью вычислить людей, с арестом которых заговор утратил бы свою жизнеспособность. Не раз и не два полицейские налетали с обыском на обветшалые дома, но однажды они ушли, чтобы не возвращаться; отвыкнув, как и другие, от закона и порядка, они оставили город на произвол судьбы. Их сменили мужчины в форме цвета хаки, вооруженные мушкетами; и стало казаться, что погружившейся в грустное оцепенение Улице привиделся сон, навеянный прошлым, когда мужчины с мушкетами и в шляпках-конусах возвращались с родника в лесу к горстке выросших на берегу домиков. Катастрофа надвигалась, и некому было стать на пути корифеев зла и коварства.

Улица спала тревожным сном, когда однажды глубокой ночью люди с горящими от ненависти и надежды на успех глазами собрались в булочной Петровича, в Школе современной экономики Ривкина, в кафе "Свобода", в Клубе социальных кружков. Станные приказания были переданы тайно по телеграфу. Никто точно не знает, что произошло вскоре после этих событий, но Восток был спасен от опасности.

Улице было трудно сбросить оцепенение, но однажды ночью она прозрела, заметив повсюду - в "Петрович бейкери", в "Рифкин скул оф модерн экономик", в "Сэркл сосиаль клуб" и в "Кафе Либерти", - да и не только там, орды мужчин, в чьих расширенных зрачках горело ожидание разрушительного триумфа. Тайный телеграф передавал странные сообщения, многие из которых стали известны лишь позднее, когда Запад был уже в безопасности. Люди в форме цвета хаки не могли объяснить, что происходит, и не понимали, в чем состоит их долг; ведь заговорщикам не было равных по хитрости и скрытности.

Вряд ли мужчины в форме цвета хаки забудут эту ночь, и уж наверняка поделятся воспоминаниями о ней со своими внуками. Многие оказались здесь на рассвете, но вовсе не с той миссией, которая была им предназначена. Было известно, что анархисты свили гнездо в старых стенах, изъеденных червями, пошатнувшихся под натиском времени и штормов, и то, что случилось летней ночью, поразило всех своей неотвратимостью. Действительно, произошло нечто хотя и невероятное, но вполне естественное. В ранний предрассветный час, ни с того ни с сего, стены, изъеденные червями и осевшие под натиском времени и штормов, содрогнулись в гигантской конвульсии и рухнули, так что на Улице остались стоять лишь два старинных камина, да часть крепкой кирпичной кладки. Всё погребли под собой руины. Один поэт и некий путешественник, оказавшиеся в толпе, привлеченной невиданным зрелищем, рассказывали странные вещи. Поэт говорил, что незадолго до обвала ему привиделись в луче света неясные очертания отвратительных развалин, словно повисших над другим смутно прорисовывавшимся пейзажем. Поэт помнил лишь, что разглядел лунную дорожку, красивые дома и величественные вязы, дубы и

клёны. А путешественник заявил, что вместо привычного зловония на него пахнуло нежным ароматом, как если бы вдруг зацвели кусты роз. Разве всегда лгут мечты поэта и разве нельзя верить рассказам странника?

Одни полагают, что предметы, среди которых мы живём, и те места, где мы бываем, наделены душой, другие не разделяют этого мнения, считая его пустым домыслом. Я не берусь быть судьёй в этом споре, я просто рассказал об одной Улице.

*Перевод: Елизавета Бабаева
2000 год*